

ЖЕНЕН
ГҮДА

ПОПАДАНКА

ДЛЯ КОМУНГА

Хелен Гуда

Попаданка для конунга

<https://litres.ru/74350839>

Аннотация

Я погибла, спасая ребенка. Очнулась в теле дочери ярла в суровом мире викингов. Мой спаситель грозный конунг. Он одновременно и пугает меня и притягивает. Он видит во мне избалованную девицу. Я в нём жестокого варвара. Сможем ли мы преодолеть пропасть между ненавистью и... любовью?

*суровый викинг

*находчивая попаданка

*горячо и нежно

*противоборство характеров

*ХЭ

Книга участвует в литмобе "Северная жена"

Содержание

Пролог	4
Глава 1.	7
Глава 2.	27
Глава 3.	40
Глава 4.	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Пролог

– Да чтоб Хель забрала этот день! – прорычал я, натягивая поводья так, что конь недовольно захрапел, мотая головой. Охота сегодня выдалась хуже некуда – ни следа приличной добычи, лишь белка-дура, удравшая в последний момент. Забыв о гордости конунга, я позволил себе немного расслабиться, любуясь мертвенно блестящей гладью озера, обрамленного заснеженными соснами. И тут, о Один, я увидел ЕЕ.

– Эй! Там полынья! – прорычал я во весь голос, надеясь, что мой грубый рев достигнет ее ушей, прежде чем эта идиотка повторит судьбу утопленника двухнедельной давности. Кто вообще ходит по льду в такое время? Мороз грызет кости, а этот лед обманчив, как взгляд женщины после пира. Она вздрогнула, услышав мой окрик, обернулась... и под ее ногами разверзлась ледяная пасть.

Один мне судья! Мое сердце словно окаменело в груди. Я, проклиная ее безрассудство и несчастную случайность, с бешеными ругательствами спрыгнул с коня.

– Да чтоб тебя кракен утащил! Чтоб тебя Нидхёгг заклевал! Мне еще только утопленников не хватало!

Но ноги уже несли меня к озеру с такой скоростью, словно за мной гнался сам Фенрир. В голове пульсировала лишь одна мысль: “Успеть, главное – успеть”.

– Да чтоб тебя ледяные великаны заморозили! За каким

миром ты туда полезла?! – хрипел я, сдирая с себя тяжелую медвежью шкуру. Плевать на величие! Варезки и кожаный доспех полетели в сугроб, следом – сапоги, и вот я словно безумец уже бежал к краю полыньи, чувствуя, как ледяной ветер режет кожу, словно сталь. Ярость от тупости девчонки медленно отступала, уступая место ледяному ужасу.

Я замер у самой кромки, всматриваясь в черную бездну. Ничего. Она уже ушла под воду, словно камень, брошенный в колодец.

– Да чтоб тебя!..

Не дав себе времени на раздумья, с диким боевым кличем я нырнул. Ледяная вода вонзилась в тело тысячами игл, скользя легкое, словно тисками. В голове лишь одно: “Найти!”

Открыв глаза, я попытался разглядеть хоть что-то в мутной глубине. Темнота, зловещая тишина... и вот внизу мелькнуло что-то светлое. Без раздумий я поплыл туда, чувствуя, как конечности немеют от холода.

Схватил ее за край одежды, изо всех сил потянул вверх. Ткань оказалась предательски скользкой, и я не могу ухватить ее, она проскальзывает сквозь пальцы. От бессильной ярости закрипели зубы. Снова пытаюсь ухватить, на этот раз крепче, за волосы. Тянул, словно пытался вытащить из морских глубин самого Мирового Змея. Не собирался умирать из-за этой дуры! Наконец мои руки вынырнули из воды, схватились за край льда. С трудом волоча за собой ее бесчувственное тело, я карабкался из этой ледяной могилы.

Она была без сознания, лицо посинело и заледенело. В голове была лишь одна мысль: "Только бы не окочурилась".

– О Один, чтоб тебя! Дыши! Дыши, кракен тебя раздери! – колотил по ее спине, перевернул на живот и, не церемонясь, начала давить на ребра. Ничего. Снова давил. Уже сильнее, так, что хрустели кости. И вдруг она зашлась в жутком кашле, из ее легких вырвалась струя воды, и она судорожно вздохнула, хватая ртом воздух.

– Жива! Слава богам!

Но это еще не было концом. Теперь главное – не дать ей окоченеть.

Глава 1.

– Так, ребята, не отстаем! Прошу, не разбредаемся! Тут очень легко заблудиться! – бодро тараторила я, стараясь перекрычать этот чертов, пронизывающий до костей ветер. И кто придумал водить экскурсии по Скандинавии зимой? Безумная красота, конечно, но, кажется, мои волосы сейчас превратятся в сосульки. Я, студентка, подрабатывающая экскурсоводом, пыталась хоть как-то расшевелить свою группу туристов, увлеченно рассказывая о легендах этих суровых земель: – Представьте себе, друзья мои, здесь когда-то высаживались драккары викингов! Отсюда начинались их завоевательные походы, здесь ковались их мечи, плелись интриги и...

Внезапно мой заученный текст прервал дикий, полный ужаса крик. Сердце подскочило к горлу, а вся группа туристов замерла. Я резко обернулась в сторону замерзшего озера и увидела... кошмар. Кто-то провалился под лед! "Черт! Неужели они не видели знаки? Неужели так сложно соблюдать правила безопасности?!" – пронеслось в голове, но это было уже неважно.

Паника накатила на меня ледяной волной, сковывая движения, парализуя волю. Что делать? Черт, что же делать?! Я ведь даже не знаю, как оказывать первую помощь при переохлаждении! Группа стояла словно замороженная, истукана-

ми, бездумно глядя на полынью, не в силах пошевелиться. Нужно что-то предпринять и быстро! Секунды тянулись как часы, а в голове отчаянно пульсировала одна мысль: "Там же человек! Он умрет!"

Не знаю, что на меня нашло. Глупый героизм? Жажда приключений? Или простое, древнее, как мир, человеческое сострадание? Я сорвала с себя куртку, шарф полетел в снег, и, не раздумывая ни секунды, побежала к озеру как одержимая. Разум истерически кричал: "Стой! Это безумие! Ты утонешь!", но ноги несли меня вперед. О страхе я подумаю потом.

Подбежав к полынье, с ужасом разглядела барахтающуюся в ледяной воде фигуру. Это был ребенок! Мальчик, совсем маленький, лет десяти, отчаянно цеплялся за край льда своими тонкими ручонками, но силы его, как мне показалось, уже покидали.

– Держись! Дыши! – закричала я, стараясь придать голосу уверенность, хотя внутри меня все дрожало от страха.

Аккуратно, стараясь распределить вес и не провалиться самой, я подползла ближе. Господи, как же холодно! Сомнения терзали меня, но я старалась думать быстро. До ребенка оставалось всего несколько метров. Протянула руку.

– Хватайся за мою руку!

Мальчик, почти обессиленный, дрожащими пальцами вцепился в мою руку, словно в спасательный круг.

Я потянула изо всех сил, чувствуя, как мои мышцы напря-

гаются до предела. Лед под нами затрещал, зловеще предупреждая. Казалось, еще одно неловкое движение – и мы оба окажемся в смертельной ледяной ловушке. Сглотнув ком в горле и собрав всю свою волю в кулак, я рывком, с нечеловеческим усилием вытащила мальчика на твердую, но такую обманчивую поверхность льда.

– Ползи! Ползи до берега к остальным! Там тебя согреют! – прокричала я, отталкивая его в сторону берега. Мальчик сперва пополз, а потом, когда лед под ним перестал предательски хрустеть, встал на ноги и, шатаясь, словно пьяный, спотыкаясь на каждом шагу, побежал к группе туристов, бросая на меня испуганные взгляды.

Облегчение? Нет, его не было. Была лишь тупая ноющая боль в ноге. Судорога! Проклятая судорога! Она сковала мою ногу, словно ледяной панцирь, превратив ее в бесполезную колоду. Я попыталась встать, оттолкнуться ото льда, но мышцы отказывались подчиняться. И тут, словно насмехаясь надо мной, лед, на котором я находилась, подло затрещал и, будто откусив кусок, злорадно провалился.

Холод ворвался в меня мгновенно, словно ледяные иглы, пронзающие каждую клетку тела. Дыхание перехватило, в легких словно вспыхнуло пламя. Я попыталась выплыть, барахтаясь как безумная, но судорога держала меня мертвой хваткой, не давая пошевелиться. Тело налилось свинцом, тянуло ко дну, в крошечную тьму. Страх, животный, первобытный ужас охватил меня целиком, парализовав волю. Я

видела, как над моей головой медленно темнеет круг света, но ничего не могла сделать. Воздух в легких закончился, словно его кто-то выкачал насосом. Последний судорожный вдох... и всепоглощающая бесконечная тьма. Я тонула, зная, что это конец. Кажется, сегодня я все-таки спасла этого мальчишку... Или мне просто почудилось, что я успела услышать чьи-то безумные и отчаянные крики в эту последнюю трагическую минуту моей жизни? Что ж, иронично, но я умираю в месте, о котором писала свой диплом.

Открыла глаза. Или мне казалось, что открыла?

Вокруг все расплывалось, словно сквозь толстое мутное стекло.

Свет был какой-то приглушенный, нереальный...

Я чувствовала покалывание в каждой клеточке тела, словно меня пропустили через электрический стул. Я умерла? Где я?

В тумане начали проступать очертания. Огромный стол из твердой древесины, настолько массивный, что его, наверное, и десять человек не сдвинули бы. А за столом...

Боги? Не могло быть! Но я их узнавала. Вот грозный Тор. Его огромная фигура возвышалась над остальными словно скала. Он был таким, каким его изображали в учебниках истории! Красная борода, кустистые брови, сведенные над переносицей в хмурой складке, и... Молот! Мьёльнир собственной персоной лежал прямо на столе, рядом с его рукой. Тор смотрел на всех исподлобья, и от этого взгляда по коже

бежали мурашки.

А вот с противоположной стороны стола лукаво улыбался Локи. Тощий, жилистый, с острым как бритва взглядом и насмешливой ухмылкой, играющей на тонких губах. Типичный трикстер, воплощение хитрости и обмана. Неужели это все правда? Неужели я попала на божественный суд?

“Суд!” – именно это слово пронеслось в моей голове, словно удар грома. Меня судят? За что?

Неужели за то, что я попыталась спасти ребенка? Я начала различать обрывки фраз, доносящиеся сквозь пелену слабости.

— ...не такая уж она и дура, эта смертная... спасла ребенка, рискуя своей жизнью...

— ...да, смерть, безусловно, почетна, но недостаточно героична... не погибла с мечом в руках, отражая атаки врагов!

Меч? О чем они вообще говорили? Кто сейчас умирает с мечом в руках? Этот аргумент явно исходил от какого-то древнего старца, застрывшего во временах викингов.

— Простите, но кто сейчас носит мечи? Это же не модно! – вмешался в спор женский голос.

Я пыталась разглядеть богиню, которая это сказала, но видела лишь расплывчатый силуэт. Она казалась очень современной, даже слегка дерзкой.

Наконец заговорил председательствующий. Один. Его мудрый всевидящий взгляд пронизывал меня насквозь.

– Достаточно! Она проявила милосердие и храбрость. А

этого вполне достаточно для перерождения. Тем более сейчас как раз подходящий момент. Одна девица, которой еще рано умирать, тонет в озере. Она связана с этим местом и еще не выполнила предначертанное, поэтому я повелеваю! Отправить ее в тело тонущей девицы! Ее спас сейчас славный конунг Харальд. Да будет так!

Сознание снова начало меркнуть, уплывая в темноту. Или я просто закрыла глаза, чтобы немного отдохнуть? Казалось, это именно то, что я и сделала...

Когда я снова открыла глаза, богов не было. Не было величественного стола, не было приглушенного света. Передо мной был лишь... мужчина.

Мокрый, замерзший до костей, с обнаженной мускулистой грудью, испуганно вглядывающийся в мое лицо.

— Жива! Слава богам! — крикнул он во все горло, и его голос казался невероятно громким после загробной тишины.

Жива? Но как? Где я? Что происходит? Я попыталась сесть, но тело не слушалось. Меня била дрожь от дикого холода. Казалось, я пролежала в ледяной воде целую вечность.

Я кашляла, задыхаясь, и из моих легких вырвалась струя ледяной воды.

Где я? Это не больница и не скорая. Вокруг заснеженный лес, тот самый берег озера. Почему я здесь?

Перевела взгляд на мужчину. Кто он? Конунг Харальд? Это ведь он меня спас? У него был такой взгляд, от которого бежали мурашки, и они были покрупнее вызванных холо-

дом.

Меня переполнял дикий животный страх. Я не понимала, где я, что происходит и как я здесь оказалась. Страх сковывал движения, лишал дара речи. Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но из горла вырвался лишь хриплый стон. В голове проносились обрывки воспоминаний: боги, лед, мальчик, тьма, чьи-то крики... Это был сон? Бред умирающего?

Постепенно ко мне возвращалась способность мыслить, и на смену страху приходило огромное всепоглощающее удивление.

Я... я в другом теле! Это невозможно, но я это чувствовала. Кожа ощущала прикосновение ледяного ветра совершенно по-другому. Движения казались какими-то непривычными, чужими. Я посмотрела на свои руки.

Это не мои руки! Они тонкие, изящные, с длинными пальцами. Красные от холода, но такие красивые. Растерянность. Я хотела просто поработать экскурсоводом, а оказалась в прошлом, в теле другого человека. Вот это, конечно, был поворот!

В горле пересохло, язык прилип к нёбу, но я попыталась выдавить из себя хоть что-то.

—Где... где я? – прошептала я чуть слышно.

Мужчина нахмурил брови, и его лицо стало еще более суровым.

—Что, от холода память совсем отшибло? Да ты что, совсем плоха? – прорычал он, и от его голоса меня пробрала

еще большая дрожь. Хотя куда уж больше?

Память? Отшибло память? Прекрасно! Я решила подыграть. Сейчас мне точно не до выяснения, кто я такая и как я здесь оказалась. Разберусь со всем этим безумием позже. Главное – выжить!

Я неуверенно кивнула, изображая растерянность и слабость. Хотя в чем-то я была уверена: с памятью у меня все хорошо, как минимум с прошлой жизнью.

— Гром и молния! Этого еще не хватало! Еще и память потеряла! Ну ничего, – пробормотал мужчина себе под нос, а затем резко повернулся ко мне: – Слушай, сейчас не время для глупостей! Раздеваться! Быстро!

Раздеваться? Господи, что ему нужно? Паника взорвалась в моей голове, словно фейерверк. Я испуганно отшатнулась от него, прижимая к себе мокрую ткань, как будто она могла меня защитить.

Мужчина заметил мой взгляд и побагровел от злости.

—Чтоб тебя Нидхёгг заклевал! Не строй из себя невинность! Думаешь, кто-то вообще интересуется твоей сомнительной красотой и честью? Валькирий на своем веку повидал уж точно более прекрасных. Сейчас главное – не превратиться в ледышку! Обмороженная девица мне тут точно не нужна!

Он выпалил это с таким раздражением, что я невольно вздрогнула. Нидхёгг? Вальхалла? Похоже, я действительно попала в прошлое. И здесь свои правила, свои представления

о чести и приличиях. Что ж, придется подстраиваться.

—Нам нужно сохранить тепло. Мокрая одежда – верный путь к смерти. Так что раздевайся, женщина! – рявкнул он, и я молча кивнула, стараясь подавить дрожь в коленках.

Осторожно, с трудом разгибая окоченевшие пальцы, я начала распутывать узлы на платье. Ткань была ледяной и противной на ощупь. Пальцы не слушались, дрожали. Руки совсем перестали чувствовать. Холодно и безумно страшно.

Мужчина что-то рыкнул, явно торопя меня, а затем принялся шарить в каком-то мешке, лежащем неподалеку. Наконец он вытащил оттуда огромный плащ, сшитый из толстой шкуры какого-то зверя, и бросил его мне.

Я благодарно кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Скинула с себя мокрое платье и, не раздумывая ни секунды, завернулась в теплую, пахнущую дымом и зверем шкуру. Она спасла. Сразу потеплело.

Мужчина тем временем схватил свою рубаху и начал яростно растирать ей свое тело, пока кожа не покраснела. Затем, не обращая на меня никакого внимания, он стянул с себя штаны.

Я невольно замерла, глядя на его подтянутый зад. Господи, что я творю?! Я мысленно отругала себя, но было поздно. К щекам прилила кровь, и я почувствовала, как вспыхиваю от стыда, как будто он меня поймал за чем-то постыдным. Кажется, он и не заметил моего смущения или не придал этому значения. Ох уж эти викинги! Привыкла я, пони-

маешь ли, жить среди воспитанных людей двадцать первого века. Да что уж там, этот грубый мужчина спас меня. Он смотрит волком, конечно, но пока не обижает. Надо учиться выживать в новом для меня мире.

Мои чувства метались, словно лодка в шторм. Обескураженность, смешанная со страхом, смущением и некоторым любопытством. Я застряла в прошлом, в чужом теле, с голым викингом, который считает, что я потеряла память. И, кажется, это еще не полный перечень всех неприятностей, что на меня свалились.

Мужчина, накинув на плечи медвежью шкуру, несколько не беспокоясь о своей почти полной наготе, начал деловито осматриваться вокруг. Я не могла отвести от него взгляд. Вот он, настоящий викинг! И он передо мной. Сильный, дикий, уверенный в себе. В его движениях чувствовалась первобытная сила, а во взгляде — ледяная сталь. Меня одновременно пугала и завораживала эта близость к настоящему, не прилизанному историей варвару.

Действительно, нужно было выбираться из этого леса как можно скорее, а для этого стоило согреться. Он быстро нашел валяющийся под ногами сухостой, хворост и ветки, и ловко орудуя своим топором, принялся за дело. Я наблюдала за каждым его движением. Топор в его руках казался продолжением его собственной руки. Казалось, он родился с ним. Рубил умело, со знанием дела. Чувствовалось, что он вырос в лесу и привык полагаться на себя. Интересно, он всегда та-

кой молчаливый?

Вскоре небольшой костер уже весело потрескивал, освещая окрестности слабыми отблесками. Оказывается, уже начало темнеть, пока я тут тонула. Тепло начало медленно расползаться по замерзшему телу. Я с благодарностью смотрела на огонь, словно на спасителя. Мужчина нашел две развилки, вбил их в землю, превратив в подобие рогатин, и положил на них длинную ветку. На эту импровизированную сушилку он аккуратно развесил наши мокрые тряпки, надеясь, что хотя бы что-то высохнет к утру.

Затем он принялся за еду. Из своего мешка, не раздумывая, достал флягу, кусок хлеба, кусок сыра и несколько полосок вяленого мяса. Не церемонясь, нарезал все своим огромным ножом на грубые куски и сунул мне в руки.

—Ешь! – буркнул он. – Тогда и силы появятся, и память вернется. А не вернется, так хоть не помрешь с голоду.

Я послушно взяла протянутую еду. Хлеб был грубым и жестким, словно камень, сыр – с резким, почти отталкивающим запахом, а мясо – сухим и соленым до боли в деснах. Но сейчас это казалось пищей богов. Даже страх перед неизвестностью немного притупился, а в желудке противно засало. Интересно, а в этом времени вообще есть нормальная еда? Боюсь, долго я так не протяну. При одной только мысли о том, что придется есть эту сухую еду каждый день, меня бросает в дрожь.

Во рту пересохло, и я решила отхлебнуть из фляги. Осто-

рожно пригубила и... чуть не выплюнула все обратно. Ярко выраженный вкус алкоголя обжег горло, заставив меня закашляться. Горячая волна прошла по всему телу. Крепкий напиток ударил мне в голову. Причем сразу. Я поморщилась, пытаюсь унять жжение в горле.

—Что, не нравится? – усмехнулся викинг, наблюдая за моей реакцией. В его глазах мелькнула едва заметная искра веселья. – Это мед. Хорошо согревает и помогает уснуть крепким сном.

Мед? Ну конечно! Зато сразу понятно, почему он не стеснялся своей наготы. С таким-то согревающим напитком мороз не страшен. Интересно, какая у меня толерантность к алкоголю в этом новом теле и кто я такая? Боюсь, после этой живительной влаги я мигом усну и проснусь только завтра. Или не проснусь...

Вопросов в голове становилось всё больше. Самое время подумать о том, кто я сейчас и что меня ждет. Может, я какая-нибудь принцесса-воительница, которую с детства учили обращаться с мечом, а не держать в руках пульт от телевизора? Или вообще обычная крестьянка, которой не повезло оказаться не в том месте и не в то время? Последний вариант мне кажется наиболее логичным.

Задаю эти вопросы и понимаю, что пора бы уже думать о том, как выжить и адаптироваться в этом суровом мире. Может, если повезет, я найду способ вернуться обратно в свой двадцать первый век. Хотя, если честно, я слабо в это

верю. Но надежда умирает последней, а значит, нужно цепляться за нее всеми силами. А пока придется играть роль потерявшей память девицы и постараться не навлечь на себя беду. Главное – сильно не выделяться, чтобы не прослыть какой-нибудь ведьмой.

Костер весело потрескивал, огонь согревал заледеневшие кости, и даже крепкий напиток начал приносить некоторое облегчение. Тревога, до сих пор сжимавшая мое сердце, немного отступила. Да, я в беде, но жива (пусть и не в своем теле). И пока есть шанс, я им буду пользоваться.

Мужчина с деловым видом что-то жевал и смотрел на меня, то ли оценивая мою жалкую персону, то ли просто размышляя о чем-то своем. Я чувствовала себя пойманной в ловушку внимания его серых пронзительных глаз. Он как будто видел меня насквозь. Надеюсь, он хотя бы немного мне поможет. Пора, наверное, узнать, как зовут этого викинга. "Ну и видок у меня, наверное, сейчас", – подумала я и невольно поежилась.

Я собрала остатки мужества, сглотнула ком в горле, прокашлялась и, насколько это было возможно, уверенно спросила:

—Как... как вас зовут?

Мужчина, этот суровый викинг, оторвался от созерцания пляшущих языков пламени и бросил на меня мимолетный взгляд. Оценивающий, словно зверь прикидывал, стоит ли тратить силы на добычу. Меня передёрнуло.

—Харальд, — коротко ответил он, как будто делал мне великое одолжение. Словно моё любопытство было досадной помехой его важным размышлениям.

Харальд. Просто Харальд. Ни тебе "конунг", ни "владелец земель". Просто Харальд, как будто он обычный сосед по лестничной клетке, а не грозный воин из далёкого прошлого. Что ж, лаконичность была ему к лицу. Грубая, суровая лаконичность.

Он резко поднялся, направляясь к сушилке. Словно пружина распрямилась. Видимо, решил проверить, как там продвигалась сушка наших мокрых одежд. Движения были резкими, какими-то угловатыми. В каждом шаге чувствовалась мощь и уверенность. Я невольно залюбовалась тем, как на его мускулистом теле играли мышцы. Он был словно высечен из камня, этот Харальд.

Секундное замешательство, и вдруг... порыв ветра, будто злобный демон, откинул полу медвежьей шкуры, обнажив часть бедра и... ну да, часть его крутого викингского зада.

О боже! Кровь мгновенно прилила к щекам, словно кто-то плеснул кипятком в лицо. От неожиданности, от смущения я аж подскочила на месте и тут же отвернулась, стараясь не смотреть в его сторону. Сердце бешено колотилось.

Нет, ну, согласитесь, это тебе не рассматривать античные статуи в музее! Это реальный, живой полуголый викинг, и я тут с ним наедине, посреди заснеженного, богом забытого (и мной тоже) леса. Воздуха не хватало!

—Что, мужика голого никогда не видела? — раздался над моей головой насмешливый, пропитанный снисходительностью голос Харальда.

Я вздрогнула. Его слова задели меня, ранили. Вовсе не потому, что я смущалась его... ну, в общем, его обнажённости (хотя и это тоже, чего уж скрывать). А потому, что в его тоне сквозило явное пренебрежение. Снисходительность, как к глупой наивной девчонке. Меня это взбесило до глубины души. До чего же он был высокомерен!

—Может, и не видела, — огрызнулась я сквозь зубы, стараюсь скрыть раздражение, которое поднималось во мне, словно цунами.

Харальд расхохотался, запрокинув голову. Его смех был громким, раскатистым, как гром. Холодный и пугающий смех. Он словно глумился надо мной.

—Ого! А ты уже начинаешь что-то вспоминать! — воскликнул он, все еще посмеиваясь. — Ну, раз уж заговорила, скажи-ка мне, как тебя зовут?

Я окончательно растерялась. Мои мысли метались, словно испуганные мыши в лабиринте. Что ему сказать? Замолчать? Но тогда он точно что-то заподозрит. Да, стоило продолжать притворяться потеряшкой и валить всё на амнезию. Главное — не показывать свой страх.

—Не помню, — тихо ответила я, опуская глаза. Мне безумно хотелось спрятаться, исчезнуть, провалиться сквозь землю. Чувствовала себя мышью, попавшей в лапы кота. Ха-

ральд нахмурился. Его взгляд стал тяжелым, пронизывающим. Словно он пытался заглянуть мне в душу, вытащить наружу все мои секреты.

— Может, ты рабыня и сбежала от хозяина? А, девица? Испугалась наказания?

От этих слов меня будто окатили ледяной водой. Рабыня? Неужели это было возможно? Неужели я попала в мир, где жизнь человека ничего не стоит? Где люди – всего лишь товар, вещь, которую можно купить и продать?

Воображение тут же живо нарисовало страшные картины: клеймо на коже, кандалы, тяжелая работа, унижения и побои. Ужас сковал меня словно цепями, лишив дара речи. Я испуганно, с мольбой в глазах посмотрела на Харальда. В его глазах читалось какое-то странное торжество. Будто он выиграл какой-то важный спор. Он, казалось, был уверен, что раскусил меня. И чего теперь ждать от этого варвара?

— Не стоит притворяться! – рявкнул он, делая шаг ко мне. Его голос заставил меня вздрогнуть. – Я вижу, что ты врешь!

Сердце бешено колотилось в груди. Оно словно пыталось вырваться из моей груди и убежать прочь. Что делать? Признаться, что я из другого времени? Да он просто не поверит, решит, что я сумасшедшая, и, чего доброго, свяжет и бросит в ближайшую яму. Нужно было продолжать играть свою роль. Ради собственного спасения.

— Я... я не вру! – пролепетала я, чувствуя, как к глазам подступают предательские слёзы. – Я правда не помню! Ни-

чего не помню!

Слова вырвались из меня, как крик отчаяния. Я не хотела плакать, но слезы сами собой покатились по щекам, обжигая морозом. Мне было страшно, до одури страшно, одиноко и безумно жалко себя. В отчаянии я закрыла лицо руками и разрыдалась. Как же я хотела домой!

Харальд, увидев мои слезы, поморщился. Его лицо выражало явное недовольство и даже брезгливость. Кажется, он понятия не имел, что делать с женскими истериками.

— Ладно, ладно, хватит, — проворчал он, теряя интерес ко мне. — Не собираюсь я тебя пытаться. Сиди тихо, пока не вспомнила, кто ты такая.

Он отвернулся, потеряв ко мне всякий интерес, и молча сел на свое место у костра. Воцарилась тишина. Давящая, гнетущая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров и моими жалкими всхлипываниями. Я чувствовала себя опустошенной и разбитой. Словно после жестокого допроса. Кажется, моя попытка выдать себя за потерявшую память закончилась полным провалом. Как же мне теперь было выбраться из этой передраги?

Харальд то и дело косился на меня, словно все еще размышлял, что со мной делать. Пару раз проверил, насколько просохла одежда на сушилке, затем вернулся к костру и долго смотрел на огонь. Потом, словно передумав, снова подошел к сушилке, забрал что-то и, наконец, надел штаны. "Все же не такой уж он и суровый, этот викинг, — подумала я с

облегчением. — Холод пробрал и его". Я покосилась на свою одежду, надеясь, что она тоже высохла, но, увы, она была еще сырой.

Внезапно Харальд поднялся и, не сказав ни слова, пошел к лесу. "Куда это он?" — промелькнуло в голове. Он направился вдоль берега озера, громко выкрикивая что-то похожее на кличку. Через какое-то время я услышала ржание, и Харальд вернулся, ведя под уздцы большую лохматую лошадь. В руках у него была сумка.

Он бросил эту сумку к моим ногам, сказав отрывисто:
— Это, скорее всего, твои вещи.

С радостным возбуждением я залезла в сумку и обнаружила там сложенную стопку сухого белья из грубой ткани. Не раздумывая, я принялась переодеваться, стараясь побыстрее надеть на себя одежду и не сидеть голышом в одном плаще. Он хоть и закрывал меня до пят, но, несмотря на это, я все равно ощущала себя очень незащищенной. С каждым сухим предметом одежды, надетым на тело, ко мне возвращалось немного уверенности. "А что, если я просто переоденусь и убегу? — внезапно мелькнула безумная мысль. — Куда подальше от этого Харальда? "

— И в самом деле память девке отшибло, раз позабыла про то, что сумку на берегу бросила,— пробурчал Харальд, наблюдая за мной.

Наконец я переоделась во всё сухое и кое-как собрала свои недосушенные вещи в сумку. В этот момент Харальд

вскочил в седло, протянул руку и одним движением подхватил меня, усадив перед собой на лошади.

– Пора домой ехать, а то скоро ночь, – отрывисто сказал он, словно давал приказ.

Несмотря на сухую одежду, я все равно продолжала мерзнуть. Ветер пронизывал меня насквозь, и даже близость Харальда не спасала от холода. Мои мокрые сапоги были прибиты к седлу, а на ногах красовались лишь теплые шерстяные носки, найденные в сумке. "Лучше хоть что-то, чем ничего", – подумала я.

Пока Харальд правил лошадьё, я украдкой изучала содержимое своей сумки, надеясь найти хоть какую-то зацепку, которая помогла бы мне понять, кто я такая. Кроме нескольких грубых рубаш, пары штанов и шерстяных носков там ничего не было. Никаких украшений, никаких личных вещей, которые могли бы пролить свет на мое прошлое. Память услужливо подкинула мне информацию о том, что паспортов в то время не было. Во всяком случае, в том мире, куда я непонятным образом угодила. Так что, пока я не встречу кого-то, кто знает меня в лицо, я вряд ли смогу узнать, кем являюсь на самом деле.

Все эти мысли крутились в моей голове, пока мы ехали по заснеженному лесу. Я старалась держаться прямо, чтобы случайно не прислониться к Харальду спиной, но холод брал свое. В конце концов я не выдержала и, дрожа, все же прислонилась к его груди. Мужчина рассмеялся, и его смех

отдался вибрацией в моей спине. — Долго же ты терпела, — проговорил он с усмешкой.

Я огрызнулась в ответ:

— Да, не очень-то приятно ехать, когда зуб на зуб не попадает.

Харальд усмехнулся:

— Не скалься, а прижмись посильнее, если холодно. Иначе замерзнешь и заболеешь, а там недалеко и на тот свет отправишься.

Я подумала о том, что на том свете уже побывала, и мне там совсем не понравилось. Поэтому, проглотив обиду и подавив возмущение, молча прижалась к Харальду. Его тело было теплым и крепким, и постепенно ко мне начало возвращаться подобие комфорта. Холод отступал, уступая место тихой усталости. Кажется, я начинала засыпать, прислонившись спиной к этому суровому, но такому необходимому сейчас викингу.

Чувствуете как приближается к вам новый литмоб? Он уже на пороге. Встречайте!

Северная жена

<https://litnet.com/shrt/lfDb>

Глава 2.

Меня разбудил шум. Шум, совершенно непохожий на тишину леса, которую я помнила последней. Вокруг меня царила суeta крупного города викингов. Вечер уже вступил в свои права, и улицы были освещены факелами и жаровнями, установленными на перекрестках.

Мы ехали по узкой мощеной дороге, вдоль которой теснились деревянные дома с островерхими крышами. Двух- и трехэтажные, но все равно приземистые. Лавки торговцев были еще открыты, и оттуда доносились гортанные крики зазывал, предлагавших свой товар. Здесь были и меха, и ткани, и оружие, и еда. Люди сновали туда-сюда, толкаясь и переговариваясь. Мужчины, широкоплечие и большие, словно медведи, одетые в грубые куртки и рубахи, женщины в длинных шерстяных платьях, дети, бегающие между ног у взрослых. Все это бурлило вокруг нас, словно в огромном котле.

Пока спала, я как-то умудрилась повернуться боком, но, скорее всего, это Харальд меня пересадил. Мои ноги были аккуратно спрятаны под его плащом и перекинуты через его бедро, чтобы не замерзнуть окончательно. Я попыталась сесть нормально, но Харальд тут же осадил меня:

– Не ерзай, сиди смирно.

Я не посмела перечить. В его голосе звучала такая непреклонность, что спорить не хотелось. Я снова осмотрелась во-

круг. Этот город был шумным, полным странных запахов и незнакомых лиц. Но в то же время он был живым и каким-то по-своему привлекательным.

Пока мы проезжали по улицам, я заметила, что многие люди узнают Харальда. Они приветствовали его поклонами головы или взмахом руки. Некоторые кричали слова приветствия, в их голосах чувствовалось уважение.

– Конунг!

Несмотря на то что я сидела впереди Харальда, прикрытая его широкой спиной и укутанная плащом, который покрывал нас обоих, я все равно ловила на себе любопытные взгляды. Люди разглядывали меня с неприкрытым интересом, перешептывались и тыкали пальцем. Я чувствовала себя каким-то диковинным зверем, выставленным на всеобщее обозрение.

Я опустила голову, стараясь не встречаться ни с кем взглядом. Сейчас мне больше всего хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть, раствориться в этом шумном городе. Но, к сожалению, это было невозможно. Я была здесь, в плену обстоятельств, и хорошо, если только обстоятельств, а не этого грозного конунга. И мне нужно было как-то выжить.

В голове промелькнула любопытная мысль. "А как так вышло, что я знаю их язык? Откуда у меня эти знания?" Значит, я не помнила ничего из жизни хозяйки этого тела, а язык знала. Это, конечно, упрощает мне жизнь, так как в противном случае мне вообще пришлось бы несладко.

Наконец мы подъехали к большому дому, который возвышался над остальными постройками. Это был не просто дом, а настоящий дворец, сложенный из огромных темных бревен. Резные украшения на фасаде изображали сцены из мифов и сражений, а над входом красовался огромный герб с изображением ворона.

Харальд спрыгнул с коня, и к нему тут же подбежал мальчишка, которому он отдал уздцы. Затем он легко снял меня с лошади. Я удивленно ахнула, когда почувствовала, что он держит меня на руках и не собирается опускать на землю.

– Ты без обуви, – объяснил он коротко, словно не заметил моего смущения.

И действительно, мои шерстяные носки были совсем неподходящей обувью для прогулки по улице. Харальд нес меня на руках словно пушинку, и я чувствовала себя безумно неловко, но не решалась что-либо сказать.

Когда мы вошли в дом, нам навстречу вышла женщина лет пятидесяти. Ее лицо было испещрено морщинами, но глаза светились умом и добротой. Она окинула меня внимательным взглядом, а затем обратилась к Харальду полушутя-полузвительно:

– Отправился за дичью, а привез девицу, – то ли спрашивала, то ли констатировала она.

– Я спас ее, матушка, – ответил мужчина и опустил меня на пол. Я тут же непроизвольно хотела сжаться в комок, но сдержала порыв. Тогда точно решат, что рабыня, а я так на-

деялась, что это не так. — Тонула на озере, а от холода память отшибло.

— Совсем? — удивилась женщина.

— Совсем, — ответил мужчина. — Даже имени не помнит, — и отошел в сторону, чтобы не мешать матери рассмотреть меня внимательным, цепким женским взглядом.

Я попыталась выпрямиться, втянула живот, расправила плечи, чтобы не выглядеть жалкой и никчемной в глазах этой женщины. Пусть я и находилась в чужом теле, в чужом мире без малейшего представления о том, что происходит, я не позволю себя сломать. Я буду держаться с достоинством, насколько это возможно.

Женщина внимательно, изучающе оглядела меня с головы до ног, обошла вокруг, словно оценивая товар на рынке. Ее взгляд был острым и проницательным, казалось, она видела меня насквозь. Наконец она подошла ко мне и попросила дать руки. Я протянула ей ладони, чувствуя, как начинает нарастать напряжение.

Женщина взяла мои руки в свои, кажется, даже погладила слегка, осмотрела ногти. На ее губах появилась едва заметная усмешка. Она повернулась к сыну и спросила у него:

— А ты, наверное, подумал, что она рабыня, сбежавшая от хозяина?

Харальд нахмурился и признался:

— Это первое, что пришло мне в голову.

Женщина рассмеялась:

– Глупый ты, сын. У девушки нежные и совершенно не натруженные руки. А что это за рабыня, которая не знает труда?

Харальд растерянно спросил:

– Кто же она тогда такая?

Его мать пожала плечами и ответила:

– Может, девушка успокоится и вспомнит. Не стоит торопить события.

Она снова повернулась ко мне и улыбнулась.

– Меня зовут Хельга, и я мать Харальда, – представилась она. – А как тебя зовут?

Я покачала головой:

– Я не помню. Совсем ничего.

– Ничего страшного, – успокоила меня Хельга. – Всему свое время. А сейчас пройдем за мной. Я покажу тебе, где ты можешь отдохнуть и привести себя в порядок.

Она развернулась и направилась вглубь дома, и я, не раздумывая, последовала за ней. Было в этой женщине что-то такое, что внушало доверие.

Я шла следом за Хельгой, стараясь не упустить ни одной детали. Дом конунга был настоящим лабиринтом коридоров и комнат. Стены: грубые темные бревна, кое-где покрытые гобеленами с изображением мифических существ и батальных сцен. В коридорах вдоль стен кое-где стояли статуи богов, вырезанные из дерева и камня, их лица казались суровыми и величественными. Воздух был наполнен ароматом

трав, специй и дыма от очага, создавая ощущение тепла и уюта.

Я крутила головой, рассматривая все с любопытством. В одной из комнат увидела длинный стол, уставленный посудой, очевидно, эта была пиршественная зала. Богатство и власть чувствовались здесь в каждой детали.

Наконец Хельга остановилась у двери и открыла ее, приглашая меня войти.

– Здесь ты сможешь пока расположиться, – сказала она, пропуская меня вперед.

Я вошла в комнату и огляделась. Она была небольшой, но уютной. В центре стояла широкая кровать, застеленная мягкими шкурами. У окна небольшой столик и стул. В углу сундук, украшенный резьбой. Стены были увешаны гобеленами, изображающими лесных животных. На полу лежал пушистый ковер.

В комнате царила атмосфера спокойствия и умиротворения. Сквозь небольшое оконце проникал свет луны, освещая помещение мягким приглушенным светом. Здесь было тепло и уютно.

– Ну, как тебе здесь? Нравится? – спросила она мягко.

– Да, нравится, – ответила я искренне. – Здесь очень уютно. Большое спасибо.

Хельга улыбнулась, и мне показалось, что ее лицо стало еще добрее.

– Сейчас я велю принести лохань и горячую воду, чтобы

ты смогла помыться, – сказала она. – А еще я велю, чтобы тебе принесли одежду. Думаю, тебе будет удобно в чем-то более подходящем, чем то, что на тебе сейчас.

Я почувствовала, как тепло разливается по всему телу. Я была бесконечно благодарна этой женщине за ее доброту и заботу.

– Спасибо вам большое, Хельга, – прошептала я. – Я даже не знаю, как вас отблагодарить.

– Не стоит благодарностей, – ответила Хельга. – Просто отдохни и восстанови силы. А остальное приложится.

С этими словами она вышла из комнаты, оставив меня наедине со своими мыслями. Я подошла к окну и посмотрела на ночное небо. Звезды сияли ярко и отчетливо, словно желая осветить мой путь в этом незнакомом мире.

Я стояла у окна, вглядываясь в звездное небо, и внезапно меня словно пронзило разрядом. До этого момента все происходящее казалось дурным сном, нелепой фантазией, но сейчас реальность обрушилась на меня всей своей тяжестью. Озеро, спасение, этот дом, Харальд, Хельга...

Я не в своем мире. Я не в своем времени.

Я не была специалистом по северным народам, но даже моих скромных познаний хватило, чтобы понять, что архитектура, уклад жизни – все это указывало на одно: я оказалась в глубоком прошлом, в эпоху викингов. В животе похолодело от ужаса. Возврата нет. Моя жизнь, моя семья, мой дом – все осталось там, за непроницаемой стеной времени.

От осознания безысходности по щекам покатались слезы. Тихие, сначала робкие, а потом все более безудержные, они ручьями текли по лицу. Я рыдала, как ребенок, потерявшийся в огромном незнакомом городе.

В институте у меня была другая специализация. Экскурсоводом я пошла потому, что хотела выбраться хоть куда-нибудь на отдых, а денег, как всегда, катастрофически не хватало. Вот и согласилась. Выучить три страницы текста не составило труда. Я и повторяла изо дня в день одно и то же на экскурсиях до обеда, а после обеда отдыхала. Ходила в баню, которую очень полюбила. Общалась с людьми и действительно отдыхала. До момента гибели.

Что я умерла в своем мире, для меня уже не тайна и не новость. Девушка, в тело которой я попала, видимо, тоже. Но кто она? Хельга сделала вывод, что не рабыня. Я посмотрела на свои руки. Они тонкие, изящные и явно не знали тяжелого рабского труда. Даже моих знаний хватает, чтобы это понять. Но, несмотря на это, я все равно не знала, кто я такая. Я была потеряна в эпохе, не зная ни правил, ни своего места.

Пока я захлебывалась слезами, раздался тихий стук в дверь. Я не услышала его из-за рыданий. Дверь приоткрылась, и на пороге появилась незнакомая девушка. Она была невероятно красива: смуглая кожа, густые иссиня-черные волосы, спадающие волнами на плечи, и огромные темные глаза, в которых читалась какая-то тревога.

– Что здесь происходит? – резко спросила девушка, огля-

дывая меня с тревогой. – Харальд опять кого-то обидел?! Я ему покажу, как девиц до слез доводить!

Она говорила быстро и эмоционально, сжимая кулаки. Я попыталась остановить рыдания, но получилось плохо. Слова девушки только добавили масла в огонь.

– Подожди, – всхлипнула я, с трудом выговаривая слова, – он... он ничего не сделал...

– Да конечно! – воскликнула она с сарказмом. – Все они так говорят! Стоит могучему конунгу взглянуть не так, и девица начинает плакать без причины!

– Я... я просто... – я замолчала, не зная, как объяснить.

Девушка вошла в комнату и закрыла дверь.

– Я Герда, сестра Харальда. Объясни мне, пожалуйста, что произошло? – девушка с тревогой смотрела на меня, в глазах стояли грусть и сочувствие.

Услышав ее имя, я невольно отметила про себя, какое оно красивое и звучное. Я с трудом вытерла слезы и попыталась успокоиться.

– Меня... меня вытащили из озера, – начала я запинаясь.

– Я... я не помню, кто я, откуда родом. Совсем ничего не помню.

Герда нахмурилась, придвинувшись ближе.

– Ничего не помнишь? Даже своего имени? – спросила она сочувственно.

Я отрицательно покачала головой.

– Мне... мне очень страшно, – прошептала я, снова начи-

ная всхлипывать. — Я не знаю, что мне делать, где я и кто я...

Герда взяла меня за руку, ее прикосновение было теплым и ободряющим.

— Не бойся, — сказала она мягко. — Я тебе помогу. Ты сейчас в доме моего брата. Мы позаботимся о тебе. Это все, что сейчас важно. Ты в безопасности. Расскажи мне все, что помнишь. Даже если тебе кажется, что это неважно.

— В том-то и дело, что ничего, — я очень хотела бы рассказать девушке правду, но понимала, что ничем хорошим это не закончится. Даже в моем времени, где все кичатся продвинутостью и современностью взглядов, сказать, что ты из другого мира — это прослыть сумасшедшим, а уж здесь, в далеком прошлом, такие признания могут закончиться плачевно.

Отчаяние медленно отступало под натиском теплого взгляда Герды. Она, казалось, искренне хотела помочь.

— Не расстраивайся так, — проговорила Герда, слегка трянув мою руку. — Не плачь больше, а то лицо распухнет, и ты станешь некрасивой. А сегодня к моему брату приезжает ярл Эйрик со своими воинами. Надо выглядеть хорошо!

В ее голосе промелькнули кокетливые нотки. Я невольно улыбнулась уголками губ. Даже в этом суровом мире девочки оставались девочками, думая о нарядах и впечатлении, которое производят на мужчин. Местная модница, не иначе.

— Я слышала, Эйрик очень хорош собой, — продолжала Герда, слегка порозовев. — Высокий, статный, с волосами

цвета воронова крыла. А как танцует...

Я молча кивнула, стараясь не думать о том, как мне вписаться в этот новый мир, где политические союзы скрепляются браками, а судьбы решаются на пирах.

– Служанки уже греют воду, – вдруг сменила тему Герда. – Сейчас принесут лохань. Сегодня у мужчин банный день, так что тебе повезло. А пока ты будешь мыться, я выберу тебе красивое платье. Не думаю, что тебе будет комфортно на пиру в этой одежде.

В словах Герды сквозила забота. Ее оптимизм и жизнерадостность передались и мне. В голове промелькнула мысль: "А может, не все так плохо?"

– Спасибо тебе, Герда, – искренне произнесла я. – Я очень благодарна.

– Глупости, – отмахнулась она. – Не за что благодарить. Просто постарайся отдохнуть и прийти в себя.

Улыбка Герды была такой теплой и искренней, что я невольно почувствовала, как внутри меня отпускают напряжение и панический страх, что нахлынули совсем недавно. Может быть, в этом чужом мире, в этом чужом теле у меня все-таки получится найти свое место.

Когда Герда вышла из комнаты, я посмотрелась в небольшое зеркало, висевшее на стене. Из зеркала на меня смотрела незнакомая девушка с заплаканными глазами и растрепанными волосами.

Когда Герда уже собиралась выйти, в дверь протиснулись

две служанки, с трудом волокущие огромную деревянную лохань. Они поставили ее в центре комнаты, тяжело дыша, и тут же принялись таскать ведра с горячей водой.

Пар поднимался от воды, наполняя комнату приятным запахом свежего дерева. Спустя какое-то время, когда лохань была наполнена до краев, служанка протянула мне кусок грубой, но чистой ткани – местный аналог полотенца. В небольшом кувшинчике плескалось какое-то средство для мытья волос, пахнущее травами и цветами.

После того как служанки и Герда вышли, я осталась одна. Осторожно опустилась в горячую воду, блаженно зажмурившись. Тело словно оживало, чувствуя приятное тепло. Я позволила себе расслабиться, стараясь смыть не только грязь с кожи, но и страх, скопившийся внутри.

Затем я начала мыться, не спеша и тщательно, заодно разглядывая свое новое тело. Кожа гладкая и упругая, бледноватая, но я блондинка, так что это и неудивительно. К слову, всегда мечтала быть блондинкой, но мне светлый цвет волос не шел, и я бросила эту затею. А сейчас, считай, такой бонус ухватила. Фигура более стройная и подтянутая, чем была у меня в моем мире, видимо, девушка на пирожные не налегала, как я. Талия тонкая, грудь высокая, ноги длинные.

Я придирчиво изучала каждую деталь, выискивая все новые и новые плюсы в этой новой реальности. В конце концов, если мне суждено здесь жить, нужно постараться принять себя такой, какая я есть. Пусть это тело и не мое, но

теперь оно – мой дом, как бы смешно это ни звучало.

Волосы... Они были длинные, шелковистые, цвета спелой пшеницы. Я бережно промыла их травяным отваром, чувствуя, как они становятся мягкими и послушными.

Искать позитив в сложившейся ситуации было нелегко, но необходимо. Убеждать себя, что все не так уж и плохо, что можно найти хорошее даже в такой непростой ситуации.

Когда я, наконец, вышла из лохани, вытершись льняным полотенцем и немного придя в себя, то почувствовала себя значительно лучше. Горячая вода, чистота и осознание того, что я не одна в этом мире, немного приободрили меня. Теперь предстояло еще одно испытание – пир с ярлом Эйриком. И я должна выглядеть достойно.

Глава 3.

Когда я, укутавшись в простыню, что мне дали в качестве полотенца, закончила вытираться, в дверь тихо постучали. Дверь приоткрылась, и на пороге появилась Герда. В руках она держала сложенное платье. При виде меня на лице ее расцвела мягкая ободряющая улыбка.

– Держи, – проговорила она, протягивая мне одежду. – Это должно тебе подойти.

Платье оказалось простым, но изящным. Длинное, из плотной шерстяной ткани приглушенного синего цвета, словно ночное небо, и расшитое серебряными нитями по подолу и рукавам. Под моими пальцами грубоватый материал казался неожиданно приятным. Я была благодарна этому скромному наряду.

Пока я переодевалась, Герда делала вид, что занята разглядыванием своих рук. Правда, она все же бросила в мою сторону пару раз взгляд. В этих взглядах читалось любопытство. И почему-то мне показалось, даже легкая зависть. Я старалась не обращать внимания и как можно быстрее справиться с завязками и шнуровками.

– Давай я заплету тебе косы, – предложила она, когда я, наконец, надела платье. Оно сидело неплохо, чуть широко-вато в плечах, но в целом вполне прилично. – У тебя такие красивые волосы, их нужно как-то прибрать, а то будут ме-

шать.

– Да, конечно, – с благодарностью согласилась я. Одной мне было бы сложно справиться с моими густыми волосами, которые, несмотря на все старания, все равно путались.

Герда ловкими, проворными пальцами принялась за дело. Она аккуратно разделяла пряди, плела небольшие косички на висках и скрепляла их на затылке сложным плетением, создавая красивый и замысловатый узор. В ее руках мои волосы будто оживали, превращаясь в произведение искусства.

– Всегда мечтала, чтобы у меня были такие красивые светлые волосы, – вздохнула она мечтательно, колдуя над моими локонами. – У Харольда тоже светлые волосы, и, когда я была маленькая, он разрешал мне заплетать ему косички, а сейчас не любит это дело. Вот зачем мужчине такие красивые волосы? Женщины должны обладать такой красотой, а не воины.

Я усмехнулась и от удивления подняла брови.

– Вы совсем не похожи с братом, – заметила я. – Если бы ты не сказала, что его сестра, я бы никогда не догадалась.

Лицо Герды слегка омрачилось, в нем промелькнула тень грусти.

– Я... я не совсем его сестра, – тихо произнесла она, чуть запнувшись. – Я дочь рабыни. Мать умерла при родах, так и не увидев меня. Старый конунг Ингвар, пусть Вальхалла примет его душу с почетом, был добрым человеком. Он принес меня в дом, пожалел, а Хельга приняла как родную дочь.

Я ее даже мамой называю и люблю больше всех на свете. Она, как медведица, встанет на защиту, если кто обидеть посмеет, от всех сплетен и пересудов оградит, никому в обиду не даст.

Я почувствовала укол вины. Не стоило так бестактно задевать эту тему. Какая же храбрость нужна, чтобы радоваться жизни, когда знаешь, что не совсем ровня окружающим.

– И всем, кто пытается сказать мне, что я дочь рабыни, – ее голос окреп, в нем зазвучали гордые нотки, – быстро рты закрывает и напоминает, что в первую очередь я дочь великого конунга – воина Ингвара. Мама Хельга у меня очень гордая. Когда отец погиб, никого к себе не подпускала, а охотников занять место конунга было много. Именно благодаря ей Харальд стал конунгом. Она у меня настоящая валькирия, – в ее глазах вспыхнул озорной огонек, и тень грусти бесследно исчезла. Она говорила с такой уверенностью и достоинством, что я невольно прониклась к ней уважением. Настоящая дочь своего отца, сильная и независимая.

– Ингвар поступил мудро и справедливо, что принял тебя в семью, – сказала я искренне, глядя ей прямо в глаза. – Ты достойна уважения и любви, как и любой другой член этой семьи.

Герда зарделась и застенчиво улыбнулась, и ее лицо снова просветлело.

– Спасибо, – прошептала она, опуская глаза. – Мне очень приятно это слышать. Ну вот, готово! Можешь взглянуть.

Она протянула мне небольшое зеркало из полированной бронзы. С замиранием сердца я взглянула на свое отражение. В зеркале я увидела незнакомую девушку в синем платье, с красивыми светлыми волосами, заплетенными в сложные косы. Волосы сияли и переливались в свете свечей, обрамляя мое лицо мягким ореолом. Девушка выглядела достойно, элегантно и даже... красиво. "Ну, здравствуй, новая я", – подумала я и улыбнулась своему отражению.

– Спасибо, Герда, – поблагодарила я от всей души, чувствуя, как в груди разливается тепло. – Ты сотворила настоящее чудо. Честно говоря, я не ожидала, что смогу так преобразиться.

– Ты преувеличиваешь, – отмахнулась она, смущенно покраснев. – Просто, наверное, попала в умелые руки. Да и вообще, из таких красивых и послушных волос одно удовольствие заплетать косы.

Она легонько взяла меня за руку, и ее прикосновение придало мне уверенности.

– Ну всё, хватит любоваться собой, – поддразнила она меня. – Пойдем, а то мы все пропустим. Нам пора. Ярл Эйрик уже наверняка прибыл и ждался нас.

Я глубоко вздохнула, стараясь унять волнение. Пир. Ярл Эйрик. Все это казалось каким-то нереальным сном. Но делать нечего, нужно идти.

– Идем, – произнесла я, стараясь придать своему голосу уверенность. – Я готова.

Сердце стучало, как молот в кузне, когда мы с Гердой двинулись по дому в направлении главного зала. Дом Харальда, надо признать, был устроен довольно-таки интересно. Коридоры, лестницы, множество комнат – не в пример тем жилищам, которые я представляла себе, думая о викингах.

До нас доносились звуки, нараставшие с каждым шагом: громкие голоса, смех, бряцание кубков и даже отдаленные звуки музыки. Атмосфера праздника ощущалась вполне отчетливо.

– Харальд у нас очень умный, – проговорила Герда, заметив мой взгляд, которым я изучала убранство дома. – Такой дом только у него во всем городе.

– Умный? – переспросила я, не совсем понимая, что она имеет в виду.

– Ну да. Смотри, у нас принято, что все в одном доме живут, а у него отдельные комнаты для каждого, и даже второй этаж есть! – пояснила Герда, чуть повысив голос, чтобы перекрычать усиливающийся шум. – Это не принято у нас, диковинкой считается. Ни у кого такого нет, только у Харальда.

Во мне проснулось любопытство. Откуда он узнал о таком способе постройки домов? Это явно не традиционная архитектура викингов. Мне захотелось узнать больше, расспросить Герду, но в этот момент мы уже подошли к огромным дверям, ведущим в главный зал. Дальше расспрашивать было неуместно.

Герда слегка задержала меня, окинув критическим взгля-

дом, словно проверяя, все ли в порядке. Кивнув самой себе, она распахнула двери.

Передо мной предстала картина пира во всем своем размахе: длинные столы ломились от еды и питья, воины громко разговаривали, смеялись и пели, воздух был пропитан запахом жареного мяса и меда. В центре зала горел огромный очаг, а в крыше было квадратное отверстие, через которое выходил дым. Огонь освещал все вокруг.

Во главе стола на высоком кресле, очень похожем на трон, сидел Харальд. Мое сердце екнуло, а дыхание перехватило. Он был великолепен. Высокий, широкоплечий, с суровым, но притягательным лицом. Его светлые волосы подчеркивали мужественные черты лица и пронзительный взгляд серых глаз. Мне показалось, что он на мгновение задержал на мне взгляд и словно что-то прочитал в моих глазах. Румянец залил мои щеки, и я поспешно отвела взгляд, боясь выдать себя с головой.

Рядом с Харальдом по правую руку сидела Хельга. В ее строгом лице чувствовались сила и властность. Она пристально наблюдала за происходящим, словно оценивая каждого присутствующего. В ее взгляде читались железная воля и острый ум.

По другую руку от Харальда сидел мужчина. От одного его взгляда по моей коже пробежал холодок. Он буквально впился в меня взглядом, изучающим, тяжелым и каким-то... опасным. Внутри все похолодело, и я невольно вздрогнула.

– Это и есть ярл Эйрик, – прошептала Герда мне на ухо, заметив мое замешательство.

Ну, теперь понятно, почему от него веет холодом. Ярл Эйрик... Его имя внушало такой же ужас, как и его взгляд. А еще мне показалось, что я должна его знать. Вернее, хозяйка этого тела. Может, они были знакомы?

Герда потянула меня за собой, направляясь к Хельге. Она, приветливо улыбнувшись матери, села рядом с ней и жестом пригласила меня занять место возле себя.

– Садись, здесь тебе будет спокойно, – прошептала Герда.

Я с облегчением села рядом с Гердой, чувствуя себя немного защищенной в ее присутствии. Но даже сидя здесь, я чувствовала на себе прожигающий взгляд Эйрика.

За столом шел оживленный разговор. Я старалась вникнуть в суть, но мое внимание постоянно отвлекал Эйрик.

– Харальд, кто эта прекрасная дева? – услышала я его голос, мягкий, но от этого еще более зловещий. – Что-то я не припомню ее среди твоих домочадцев.

– Это гостья, ярл Эйрик, – ответил Харальд, не сводя с меня глаз. – Сегодня я спас ее из озера, она провалилась под лед. Она не помнит, кто она и откуда родом.

– Не помнит? – переспросил Эйрик с легкой усмешкой. – Интересно... Очень интересно... Значит, прошлое для всех нас загадка. Но это не мешает ей стать частью нашего настоящего.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица. Эти слова

прозвучали как угроза. Что он задумал?

Я сидела как на иголках, нервно теребя край своего нового синего платья. Каждый звук казался мне подозрительным, каждый взгляд – оценивающим. Я изо всех сил старалась не выдать своего волнения, но, кажется, это было бесполезно.

Герда, чуткая и внимательная, заметила мою скованность. Она пыталась разрядить обстановку, рассказывая какие-то забавные истории, шутила, пытаясь вызвать у меня улыбку. Я старалась отвечать, поддерживать беседу, но мысли мои были далеко. Они металась между непонятным прошлым, которое я не могла вспомнить, и тревожным будущим, которое маячило впереди. Я думала о том, что будет, если я не вспомню, кто эта девушка, в тело которой я угодила. Жить вечно в доме конунга бесполезной нахлебницей мне никто не позволит, а делать я ничего не умела. Уроки домоводства в школе были мною самыми нелюбимыми, так что ни шить, ни вышивать я не умела. Немного вязала крючком, но отчего-то мне кажется, этот талант здесь не пригодится. Хотя...

Герда пыталась меня отвлечь от тяжелых мыслей, ее слова, хоть и были полны веселья и житейской мудрости, казались мне отголосками чужой жизни, чужих радостей и забот. Я чувствовала себя здесь чужой, пришелец из другого мира, заброшенный в эту суровую реальность. Герда, похоже, не замечала всей глубины моего внутреннего смутения или же искусно делала вид, что не замечает.

Время от времени она бросала взгляды в сторону ярла Эй-

рика, пытаясь привлечь его внимание. Она кокетливо улыбалась, что-то тихо ему говорила, но он, казалось, был полностью погружен в свои мысли или же просто игнорировал ее попытки флирта. Его взгляд, тяжелый и пронзительный, то и дело возвращался ко мне, и я чувствовала, как по коже пробегает неприятный холодок. В его глазах читалось что-то такое, что заставляло меня инстинктивно сжиматься.

В какой-то момент, заметив мою полную отрешенность и явную усталость, Герда повернулась к матери, сидевшей рядом с Харальдом.

– Матушка, – обратилась она к Хельге, ее голос стал мягче, – не могли бы мы с гостьей пройти в свои покои? Устали мы, кажется. День выдался очень долгий.

Хельга, окинув меня быстрым оценивающим взглядом, словно проникая в самую душу, кивнула:

– Идите. Тебе, девица, и правда нужен отдых.

Я почувствовала огромное облегчение. Наконец-то я смогу уединиться, собрать свои мысли в кучу, осмыслить все, что произошло. Герда, улыбнувшись мне, предложила проводить меня. Мы встали и направились к выходу из зала, но не успели сделать и нескольких шагов, как в коридоре, ведущем в жилые покои, раздались крики.

Недалеко от нас, в полумраке другого прохода, освещенного лишь тусклым светом факела, что-то происходило. Я увидела, как один из воинов, судя по всему, один из людей ярла Эйрика, грубо схватил за руку какую-то служанку. Та

пыталась вырваться, ее лицо исказилось от страха, но безуспешно.

– Эй! – раздался звонкий возмущенный голос Герды. – Что здесь происходит?

Она, не мешкая, решительно направилась в их сторону, я последовала за ней.

– Пусти ее! – потребовала Герда, подходя ближе, ее голос звучал твердо, в нем слышались нотки гнева. – Не стыдно тебе, воин, обижать служанок? Или ты забыл, где находишься?

– Это не твоё дело, – огрызнулся воин, но, увидев, кто перед ним, поспешил добавить, пытаясь скрыть свою дерзость: – Я воин ярла Эйрика и подчиняюсь ему.

– Ярл Эйрик – гость в этом доме, – повторила Герда, ее губы скривились в презрительной усмешке. – А ты, пока он не здесь, будешь слушать меня. Я здесь, и я за своих служанок в ответе. Можешь считать меня младшей хозяйкой этого дома, пока мать и брат заняты. И ты, – обратилась она к девушке, которая тихонько всхлипывала, – что ты здесь забыла? Почему стоишь здесь вместо того, чтобы выполнять свои обязанности?

Служанка, перепуганная, запинаясь, начала что-то объяснять. Ее слова были неразборчивы из-за слез и страха. Но Герда, похоже, не собиралась слушать оправданий. Она отчитала и воина, и служанку, не стесняясь в выражениях, явно пользуясь своим положением. Я наблюдала за этой сценой, чувствуя себя совершенно потерянной в этом чужом для ме-

ня мире, где даже служанки живут по каким-то своим, непонятным мне правилам.

Когда Герда, наконец, разобралась с конфликтом, сурово пригрозив обоим, она обернулась ко мне.

– Ты прости, – сказала она немного смущенно, – такие вот у нас нравы. Здесь все проще. Ты как, найдешь свою комнату? Или желаешь, чтобы я тебя довела?

– Нет, спасибо, найду, – ответила, чувствуя, как напряжение, сковывающее меня, начинает спадать. – Я запомнила дорогу. Спасибо, Герда, за помощь.

Она кивнула, бросив на меня прощальный взгляд, и мы разошлись. Я пошла по коридору, чувствуя, как тяжесть прошедшего дня, наполненного событиями, которые я едва могла осмыслить, медленно отступает. Но я не успела дойти до своей комнаты, меня перехватили и зажали в темном углу коридора.

Прежде чем я успела хоть что-то предпринять, прежде чем мой мозг успел обработать информацию, меня схватили. Грубая, сильная рука сжала мои губы, пресекая всякую попытку издать звук.

Я испуганно вскрикнула, но мой крик был заглушен в ладони. Паника, ледяная и парализующая, охватила меня. Кто это? Что ему нужно? В полумраке, в тени я различила контуры мужского силуэта. И в тот же миг ощутила исходящий от него запах – резкий, терпкий, с примесью чего-то остро-

го, но при этом с едва уловимой, манящей нотой меда. Этот запах... он показался мне смутно знакомым, тревожно знакомым. Сердце забилося в груди с бешеной силой, казалось, вот-вот вырвется наружу, а в горле пересохло.

И тогда я поняла. Холодный ужас сковал меня. Это был он. Ярл Эйрик.

Его черты лица, жесткие и суровые, стали еще более устрашающими в полутьме. И прежде чем мой разум успел найти хоть какую-то логическую цепочку, прежде чем я смогла найти в себе силы, чтобы отреагировать, он накинулся на меня. Его губы, холодные и жесткие, столкнулись с моими. Это не был поцелуй, это было нападение. Он целовал меня с какой-то дикой животной страстью, не замечая моего сопротивления. Его руки скользили по моему телу, сжимая, исследуя, словно пытаясь подчинить.

В этот момент инстинкт самосохранения, древний, как сам мир, взял верх. Я начала сопротивляться. Попыталась вывернуться, вырваться из его хватки, оттолкнуть его. Забилась, пинала его ногами, насколько это было возможно в тесной одежде, цеплялась руками за его одежду, пытаясь найти хоть какую-то точку опоры. Его напор был мощным, он был крупнее и сильнее меня, но я была полна отчаяния. Я цеплялась за любую возможность, за любую щель, чтобы вырваться из этого кошмара. И наконец мне удалось. Собрав последние силы, я резко оттолкнула его.

Он отшатнулся, явно не ожидая такого яростного сопро-

тивления. На мгновение на его лице отразилось удивление, а затем оно сменилось злостью. Но я не стала ждать, чтобы увидеть, как она проявится. Используя эту короткую секунду замешательства, я рванула вперед, прочь от него, прочь из этого темного жуткого угла, который едва не стал местом моего пленения. Я бежала, не разбирая дороги, не чувствуя усталости, движимая лишь одним всепоглощающим страхом. Я бежала и за спиной, в тишине коридора, отчетливо слышала, как его тяжелые шаги приближаются, преследуя меня.

Дрожащая, едва переводя дух, я неслась по коридору. Каждый шорох, каждый блик от факела казался мне преследованием. Я понятия не имела, куда бегу, лишь надеялась найти какой-нибудь укромный уголок, где смогу скрыться от разгневанного ярла. Звуки его шагов – мощные, мерные – эхом отдавались в коридоре. В голове стучала одна мысль: «Только бы найти комнату!»

И вдруг словно по волшебству взгляд ухватился за нужную мне дверь. Не раздумывая, я заскочила внутрь. Мои пальцы, еще подрагивающие от страха, лихорадочно нащупали старинный деревянный засов на двери. С каким облегчением я смотрела, как он плавно скользнул в пазы, запирая меня внутри! Мир за пределами двери, казалось, замер.

Я прижалась к двери спиной, пытаюсь унять дрожь. В темноте комнаты я слышала, как тяжелые шаги Эйрика достигли моей двери. Они замерли. Секунда, другая... Я затаила

дыхание. Затем раздался глухой, мощный стук по деревянной двери. Это было не столько требование, сколько констатация факта. Я здесь, он там. Дальше тишина. Только гулкое биение моего собственного сердца нарушало ее.

Он не пытался выломать дверь, не кричал, не угрожал. Просто тишина. Ярл Эйрик ушел.

Постепенно напряжение начало спадать. Я опустилась на пол, прислонившись спиной к двери, и медленно съехала вниз. Теперь, когда опасность миновала, усталость навалилась с новой силой. Я обдумывала произошедшее.

Его поведение было странным, даже пугающим. Он знал, кто я. Вернее девушку, в тело которой я попала. И при этом он не называл ее имя конунгу. Почему? Что это значит? Может быть, он не хотел, чтобы ее знали, чтобы ее искали? Или... что-то другое?

Этот вопрос остался без ответа, как и многие другие. Мой мозг отказывался обрабатывать новую информацию. Слишком много всего произошло за один день. Угрозы, чудеса, странные взгляды, чужая жизнь, чужие заботы.

Я огляделась вокруг. Комната ни капли не изменилась, только вот лохань убрали и на кровати лежала ночная сорочка. Я переоделась в сорочку и рухнула на постель. Глаза закрывались сами собой. Утро вечера мудренее. Сейчас главное – отдохнуть. Этот день был слишком насыщенным, слишком бурным. Я решила, что завтра, отдохнувшая и с ясной головой, я смогу лучше разобраться в этой запутанной

истории. А пока... пока я лишь тонула в мягких объятиях постели, пытаюсь забыться сном.

Глава 4.

Сон был глубоким и бездонным, как то самое озеро, из которого меня вытащили. В нем не было ни образов, ни звуков, лишь тяжелая уютная темнота, в которую я погрузилась с головой, пытаясь сбежать о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.